

АЛЕКСАНДР ЮНДА

ТЕПЛОТРАССА

(быль времён "перестройки")

Памяти ветерана Великой Отечественной войны

Дмитрия Макаровича Строганова

«Что же будет? Что же будет?» – напряженно думал Алексей Анатольевич Березников, директор Ивангородского музея, о теплотрассе. Уже октябрь на исходе, а он не может договориться с подрядчиками о начале строительства. Вот и сейчас разговор не сложился с первого порога кабинета главного инженера Гатчинского РСУ Александра Александровича Русанова:

– Вы снова со своей папкой! – недружелюбно кивая, встретил он директора. – Если до вчерашнего дня шансы хоть какие-то были, сегодня их точно нет!

– А что так?..

– Да козлы пьяные раздербанили последнего «Крота»*. А вскрывать Таллинское шоссе дорожники категорически против.

– Александр Александрович, вы не представляете, какая бесценная коллекция гибнет в нашем музее из-за нарушения теплового режима.

Русанов недоверчиво вскинул брови на собеседника и иронично промолвил:

– Какая такая коллекция в Ивангороде? Откуда ей там взяться?

– Мне кажется, мы одного примерно возраста, поэтому, наверняка, листали в детстве один учебник по литературе. Помните иллюстрации к сказкам Пушкина? «Три девицы под окном...»? Художника не помните?

– Откуда?! Хорошо, хоть Пушкина в ежедневной суете не забыл!

– Это Иван Яковлевич Билибин. Он много лет был в эмиграции. В тридцать шестом вернулся, а в сорок третьем погиб в блокадном Ленинграде. Художественное наследие осталось жене. После ее кончины перешло сыну. А тот, добавив весь художественный фарфор матери, подарил Ивангороду! Стоимость не поддается исчислению!

– Просто так... взял и подарил? Он что, миллионер?

– В том-то и дело, что нет: за душой, кроме пенсии, – ни гроша!

– Вот это Человек! Где он живет? Посмотреть бы на него...

– У нас и живет, в Ивангороде.

Закурив, Русанов подошел к форточке. Его серые усталые и раздраженные глаза подобрели:

– Знаете, я не против помочь музею, но в настоящее время – никакой возможности. Нам все равно не обойтись без «Крота». Новой техники давно не дают – буду искать по области. Может, друзья выручат, Ивангород не забуду. Вот только за сроки не ручаюсь. «Кроту» здесь неотложек накопилось – в месяц не уложиться...

«Икарус», мягко качаясь на неровностях, мчался в Ивангород. На улице давно стемнело. Можно было подремать, но сна не было. Теплотрасса не выходила из головы. Назревал явный срыв строительства. По словам инженера, в ноябре «руки не дойдут», потом ударят морозы. Готовить к зиме сломавшуюся «полностью и окончательно» музейную кочегарку? Потребуется новые котлы, насосы, моторы, шамотный кирпич... Денег на ремонт нет. Их не планировали... Нужна теплотрасса. Иного выхода нет!

Еще в кабинете Русанова Алексей Анатольевич вдруг припомнил разговор со старожилем Ивангорода Дмитрием Макаровичем Строгановым. Было это года три-четыре назад. Он упомянул водопровод, который строили перед войной. Клади его где-то недалеко от музея. Надо бы расспросить подробней.

Утром следующего дня Алексей Анатольевич, не заходя в музей, отправился к Строганову.

Дмитрий Макарович жил в рубленом домике на краю небольшой улицы, неподалеку от места планируемого строительства. Он всегда суетливо радовался приходу Березникова.

Познакомились и подружились они с первых дней работы Алексея Анатольевича в музее.

Дмитрий Макарович постучался однажды в кабинет директора и предложил пройти с ним в его дом, посмотреть старинные бытовые и военные вещи, которые он собирал для музея. С тех пор встречались они почти ежедневно. Директор любил заходить к ветерану войны и за чаем слушать его откровенные фронтовые рассказы.

– Самовар поставить? – поздоровавшись, спросил хозяин.

– Нет, Дмитрий Макарович, у меня к Вам дело куда важней.

Строганов от неожиданного оборота дела заволновался:

- Случилось что-то?
- Нет, нет, помощь ваша нужна. Помните, рассказывали о довоенном водопроводе в Ивангороде?
- Помню!
- Место сможете показать?

Лицо ветерана напряглось.

- Голова-то уже не та, прошло лет сорок пять, поди. Наверно, позабыл. А что, очень надо?
- Строительство теплотрассы к музею срывается. Нечем пробить отверстие под дорогой для труб. Вот я и цепляюсь за этот водопровод, как утопающий за соломинку. Вдруг там что-то сохранилось.

Дмитрий Макарович посмотрел на директора долгим, пристальным взглядом и тихо произнес:

- Наверно, не стоит надеяться. Тут землю в сорок четвертом так перепахали авиацией и артиллерией, что все нутро наизнанку было.
- Однако, прихватив лом и лопату, отправились на поиски. От волнения негнущаяся с войны нога ветерана цепляла землю больше обычного. Он явно переживал.
- Не спешите, Дмитрий Макарович, вспоминайте, думайте, – напутствовал его Березников по прибытии на место. Начали с южной стороны дороги.

Лицо старика сделалось необычно строгим и сосредоточенным. Он внимательно осмотрел угол ближнего дома, долго оглядывал улицу, отмерил шагами некое расстояние вдоль клумбы и снова все повторил сначала. От напряжения по лицу из-под фуражки катился пот. Наконец, потоптавшись на месте и еще раз оглядев улицу, нерешительно ткнул костылем в бурьян и тихо произнес: «Пробуй тут».

Застоявшийся в вынужденном бездействии директор, азартно размахнувшись, глубоко вонзил лом в указанное место. Раскрутив инструментом отверстие пошире, ударил еще раз. Лом глухо звякнул о металл. Словно боясь испугнуть удачу, Березников работал сосредоточенно и молча. Старательно убрав землю, освободил старинного литья крышку. Еще через пару минут ломом открыл люк. Глазам предстал колодец каменной кладки, метра два глубиной, сухой и не замусоренный. Под дорогу уходил широкий короб с торчащими из него двумя дюймовыми трубами.

- Вот это находка! Дмитрий Макарович, грех вам на возраст жаловаться! С такой памятью в генералах бы ходить!

Растерявшись от такой удачи и похвалы, старик, широко улыбаясь и сияя ясными глазами, молча развел руками.

А Березников уже мерил шагами по перпендикуляру широкую улицу, торопясь с противоположной стороны найти второй люк. Он оказался в двух шагах от края асфальта, под толстым, слежавшимся слоем щебня, песка и глины. Оставалось оценить состояние короба, произвести замер его профиля и длину. Алексей Анатольевич быстро принес из музея рулетку, по специальным скобам, вмонтированным в стенки, спустился на дно заброшенной трассы и заглянул в отверстие. На противоположной стороне улицы хорошо просматривался залитый солнцем колодец и тянущийся от него совершенно чистый и сухой короб. «Повезло: в войну ни одного прямого попадания!» – обрадовался Березников.

- Дмитрий Макарович, – поднимаясь вверх, обратился он к ветерану, – скажите мне, как такое могло быть: построили еще до войны, а в коробе сухо, как в квартире? А сейчас что б ни строили, все трубы кладут в воду. Через несколько лет они сгнивают.

– Тогда мужики Ёськи** боялись, – рассудительно произнес ветеран, – всё делали старательно, как положено. Сейчас никого не боятся, и работать не хотят, потому что платят хреново. А если много заплатят, напьются от радости и вовсе не выйдут на работу, – заключил он и рассмеялся. – Другой породы народ наплодился.

В тот же день Алексей Анатольевич Березников сделал новый чертеж к существовавшему проекту. Теплотрасса получилась короче запланированной на сорок метров. Не потребуется теперь и дорогостоящий «Крот». Чтобы исправления в документе возымели законную силу, нужны подписи и печать проектной организации, которая готовила чертежи. Эту проблему он решил по телефону. Купив пару поллитровок «Столичной», Березников заторопился в Нарву. На Петровской площади, в высотном здании, его уже ждали Женя и Сергей...

- Ребята, вы же корректируйте смету по новому чертежу, – напомнил он специалистам.

– Не беспокойтесь. Завтра позвоните к концу рабочего дня – все будет сделано!

После разговора с Русановым прошло три дня, а у директора была готова новая проектно-сметная документация. Стоимость работ уменьшилась на двадцать две тысячи рублей. «Это же две «Волги»! Вот бы ветерану войны хотя бы "инвалидку" подарили за его помощь. А он просто молодец! – вспомнил Березников вчерашний день. – Нашел люк под землей, будто рентгеном просветил. В самый центр попал!»

Потертую папку с документами директор вез из Нарвы, как живое существо, бережно прижимая к телу. Сколько кабинетов обошел с ней за лето! Банки, областное Управление культуры, проектные и строительные организации! И везде совершенно равнодушные глаза. Всем все безразлично. Единственный раз его встретили, как желанного гостя, вчера в Нарве Женя и Сережа. И проводили сегодня по-доброму, пожелав скорейшего строительства. «Получается,

водка – всему голова! Прав Дмитрий Макарович: другой народ наплодился, » – грустно рассуждал Березников.

К концу рабочего дня директору удалось дозвониться в РСУ:

– Александр Александрович, здравствуйте! Ивангородский музей беспокоит.

– Да, слушаю...

– У меня необыкновенная новость: рядом с предполагаемой теплотрассой старожил Ивангорода нашел довоенный водопровод. Ни по каким документам в городе не числится, но отлично сохранился. Короб по размерам точно соответствует требованиям нашего проекта, словно по заказу!

Трубка подозрительно молчала.

– Алё, вы меня слышите?

– Слышу, но все это выглядит несерьезно. Вы меня разыгрываете?

– Не до того мне, Александр Александрович. Я уже документацию переделал.

Трубка снова молчала.

– Алё!

– Да слы-ышу я, – вразяжку проговорил Русанов, – вы меня больше чем удивили. Ничего подобного в своей практике не встречал! Если все это так, привозите свою папку... Меня, возможно, не будет, оставьте у секретаря. Я предупрежу.

На следующий день, поставив последние подписи и печати в Ленинграде, Березников прибыл в контору.

– Главный инженер выехал на стройобъекты, – заявила девушка в приемной. – Ждать его нет смысла. Чаще всего в такие дни он на работе больше не появляется. А вашу папку просил оставить под регистрацию у нас.

Прошло три дня, а директор никак не мог дозвониться до Русанова. И вдруг, когда он, отчаявшись, решил снова ехать в Гатчину, в конце рабочего дня позвонили:

– Алё, Русанов говорит.

– Слушаю, Александр Александрович.

– Завтра отправляю бригаду с техникой. В процессе работы хочу заглянуть в Ивангород, музей погляжу и ваших удивительных стариков. Заинтересовали Вы меня...

Теплотрассу к холодам с горем пополам сдали в эксплуатацию. Русанов Александр Александрович в круговерти своих нескончаемых забот в музее не появился. Березников Алексей Анатольевич к концу финансового года получил выговор за неполное использование средств, выделенных на строительство теплотрассы, то есть за экономию двадцати двух тысяч рублей. А страна продолжала нутужно достраивать развитой социализм, не успевая решать сыплющиеся обвалом всё новые и новые проблемы...

*«Крот» – агрегат для прокладки труб под дорогами без вскрытия грунта.

**Ёська – так воевавшее поколение иногда называет И.В. Сталина.